

Глава 24

Завернувшись в одеяло, Чжу Цинчэнь прижался к стене и с неподдельным ужасом наблюдал за плоским цилиндром, который мерно ползал по полу.

— Что это за тварь? — Его мозг лихорадочно перебирал знания. — Ни в «Каноне гор и морей», ни в трудах Гэ Хуна, ни в трактатах «Хуайнань-цзы» о подобном не упоминалось!

— Это просто робот-пыле... — попыталась вставить Система.

Но юноша, вопя от страха, принялся метаться по кровати:

— А-а-а! Оно ползет ко мне!

— Это...

— О-о-ой!

Голос в голове выкрутил громкость на максимум, превратившись в подобие мегафона:

— А ну замолчи и слушай! Это робот-пылесос! Он создан, чтобы подметать полы! Считаю, что это твой домашний слуга, как те мальчишки-рассыльные в твоём мире, только механический.

Чжу Цинчэнь шмыгнул носом, в его глазах стояли слезы:

— Правда? Но оно совсем не похоже на человека. Разве бывают такие плоские люди?

— Это машина, — терпеливо объяснила та. — Она сделана из механизмов.

Цинчэнь снова шмыгнул носом:

— Я понял... это вроде тех «деревянных быков и плавающих лошадей»... Деревянные быки и текущие лошади... текущие быки и деревянные лошади... бычьи быки и лошади...

— Именно деревянные быки и плавающие лошади, — вздохнула Система.

— Да-да, я это и хотел сказать, — кивнул он, успокаиваясь. — Но почему оно преследует меня?

— Оно тебя не преследует. Оно просто едет вперед, пока есть место. Упрется в препятствие —

развернется.

— Вот как? Оно меня не укусит?

— Это же не собака, зачем ему тебя кусать?

— Но мне всё равно боязно, — прошептал Цинчэнь.

Он подполз к краю кровати, схватил какую-то книгу и перегородил путь устройству. Столкнувшись с преградой, цилиндр послушно развернулся и поехал в другую сторону. Цинчэнь переставил книгу ему за спину, и робот завертелся на месте. Тогда он зажал его между двумя томами. Машина покрутилась в западню и в итоге вырвалась через узкий зазор сбоку.

— О-о-о! — выдохнул наставник Чжу с видом человека, узревшего чудо.

— Тошнота уже прошла? — ехидно осведомилась Система.

— Прошла.

Цинчэнь слез с кровати и принялся осматриваться. Обув тапочки, он несколько раз с силой топнул, прислушиваясь к их забавному поскрипыванию.

— Система, а из чего это сделано? Не дерево, не ткань...

— Натуральный каучук.

Ничего не понятно.

Цинчэнь надул губы и подошел к кондиционеру. Он осторожно помахал рукой перед устройством и тут же отдернул ее:

— Холодно! Что это?

— Кондиционер. Нагнетает холодный воздух. Незаменимая вещь в жару. Считай, что это замена ледяным глыбам, которые расставляли в комнатах в твое время.

— Хм... — Чжу Цинчэнь понимающе кивнул и, встав на цыпочки, пододвинулся поближе к прохладному потоку.

Насладившись свежестью, он решил исследовать остальную часть своего нового жилища. Осторожно приоткрыв дверь спальни, он высунул голову наружу. В коридоре было темно.

— Система, а здесь есть электрические лампы? Как их зажечь?

— Выключатель на стене слева от тебя.

— А-а.

Цинчэнь нащупал клавишу и нажал на нее. В то же мгновение квартира залилась ярким светом. Жилье оказалось небольшим: гостиная, совмещенная с кухней, спальня и санузел.

Он осторожно прошелся по комнатам, трогая всё подряд.

— Система, а это что? — Он коснулся холодильника.

— А это? — микроволновки.

— А это... — телевизора.

Его помощница, доведенная до белого каления, не выдержала:

— Я подключаю тебе функцию «умной указки». Ткнешь пальцем — предмет сам представится.

— Хорошо.

Чжу Цинчэнь ткнул в телевизор. В ушах тут же раздался бесстрастный электронный голос:

«Телевизор. Предназначен для просмотра различных программ...»

Вместо того чтобы спать, он до самой ночи бродил по квартире, тыча пальцем во все углы. Отовсюду доносилось:

«Холодильник. Служит для хранения продуктов».

«Микроволновая печь. Предназначена для разогрева пищи».

«Тканевый диван. Место для отдыха».

Когда Цинчэнь ткнул в самого себя, голос запнулся, словно не в силах распознать объект:

«Э-э... Хм...»

— Маленький дурачок, — меланхолично вставила Система. — Самый большой дурачок в этом мире.

— ...

Обследовав все приборы и поняв их назначение, юноша подошел к окну и раздвинул шторы в цветочек.

«Шторы. Предназначены для защиты от света и сохранения приватности...» — начал было голос, но Чжу Цинчэнь уже не слушал.

Он замер, потрясенный открывшимся видом. Его глаза расширились. Казалось, его комната парит над миром, на самой вершине облаков. Далеко внизу деревья и люди казались крошечными. Но вокруг возвышались такие же величественные здания, усыпанные огнями, словно небесными звездами. Город сиял, шумел и жил своей бурной жизнью.

Прижавшись лбом к панорамному окну, Цинчэнь прошептал:

— Люди, сумевшие построить такое процветающее государство, должно быть, необыкновенны.

Он обернулся к Системе с надеждой в глазах:

— Мир Ли Юэ... мир Лю Аня и Пэй Сюаня... Неужели через тысячи лет они тоже станут такими?

— Станут.

— Значит, всё, что мы делали, было не напрасно.

Цинчэнь снова повернулся к окну и кончиками пальцев коснулся отражения уличных фонарей на стекле, на его лице заиграла нежная улыбка.

Мир будущего манил и ослеплял. Чжу Цинчэнь так и не смог заставить себя лечь в постель, замороженно глядя на море огней за окном. Видя, что сон к нему не идет, Система запустила для него образовательные мультфильмы, чтобы он быстрее освоился в современной жизни.

Глубокой ночью Цинчэнь, обнимая подушку, прилежно сидел на диване перед телевизором, где шел урок:

«Идем в супермаркет... Малыш, покупаем продукты. Шаг первый: решаем, что купить. Шаг второй: готовим деньги...»

«Смотрим телевизор... Малыш, смотришь мультики. Шаг первый: спроси разрешения у родителей...»

Малыш Чжу смотрел на экран с упоением, время от времени кивая и вступая в диалог с персонажами:

— Понял! Усвоил! Ясно!

Его «родитель» — Система — наблюдала за этой картиной со странным чувством. Казалось, она и впрямь растит ребенка. Вскоре на экране всплыло уведомление:

[Малыш, ты смотришь передачу уже полчаса. Твоим глазкам пора отдохнуть.]

Экран заблокировался, требуя решить пример на сложение и вычитание. Чжу Цинчэнь, не понимая математических символов, беспомощно посмотрел на свою помощницу и жалобно захлопал ресницами. Та вздохнула и сняла блокировку.

Чжу Цинчэнь отсмотрел несколько десятков серий подряд, окончательно введя телевизор в ступор. Сначала устройство вежливо советовало: «Малыш, дай глазкам отдохнуть», а под утро выдало прямолинейное: «Малыш, твои глаза сейчас ослепнут!»

На рассвете он всё же заснул прямо на диване, не выпуская подушку из рук. Система выключила прибор. Но уже в семь утра раздался ее командный голос:

— Подъем! Сегодня твой первый день в школе!

— Встаю, встаю! — вздрогнул Цинчэнь и поспешно вскочил.

— Иди умывайся, — скомандовала она. — А я подберу тебе одежду. Ты ведь помнишь, как пользоваться зубной щеткой и пастой? Мы вчера учили.

— Помню! — уверенно отозвался Цинчэнь и скрылся в ванной.

Система чувствовала себя нянкой в детском саду. Но уже через мгновение из ванной донесся пронзительный крик:

— А-а-а!

— Что случилось?! — Система влетела в комнату.

Чжу Цинчэнь стоял перед умывальником, вцепившись в раму зеркала.

— Где мои волосы?! — в ужасе спросил он.

В зеркале отражалось его лицо — те же черты, тот же взгляд, но волосы были коротко острижены, выглядя свежо и опрятно.

— Я их обрезала, — невозмутимо пояснила Система. — Это соответствует правилам этого мира.

Цинчэнь долго трогал свои короткие пряди, чувствуя горькую утрату. Он столько лет растил их, так красиво укладывал под венец и украшал цветами... и теперь всё исчезло.

— В древних мирах они снова вырастут, не расстраивайся, — утешила его та. — Давай, чисти зубы.

— Ладно, — обреченно вздохнул он.

Вообще-то, в древности он тоже чистил зубы, так что процесс был ему знаком. Юноша открутил крышечку и выдавил немного пасты на щетку.

— Не маловато ли? — засомневалась Система.

— В самый раз, — серьезно ответил Цинчэнь. — В мультфильме сказали: достаточно одной горошины.

— ... — Она поперхнулась. — Там говорили для детей. А ты разве ребенок?

— Ну да, — искренне ответил он.

— Выдави еще две горошины.

— Слушаюсь...

Через полчаса Чжу Цинчэнь облачился в белую рубашку и черные брюки, обулся в начищенные туфли и закинул на плечо черную холщовую сумку.

— Проверяем в последний раз, — сказала Система. — Ключи, телефон, блокнот? Всё взял?

— Всё на месте! В путь!

— Ты не запер дверь! Воры вынесут из дома всё имущество!

— Ой. — Цинчэнь вернулся и закрыл замок. — Теперь точно в путь!

— На лифт! Ты живешь на пятнадцатом этаже, собрался пешком по лестнице катиться?

— Точно-точно, — вспомнил он. — Лифт... Шаг первый: заходим вместе с родителями.

— Да твою же... — не выдержала Система.

— Система, ты выражаешься.

— Выражаюсь! Потому что ты не ребенок!

Двери лифта плавно разъехались. Чжу Цинчэнь, крепко сжимая ремень сумки, впервые вошел в кабину:

— Шаг второй: нажимаем кнопку этажа.

В этом мире он был выпускником педагогического университета, которого по программе привлечения талантов приняли в Первую среднюю школу Бэйчэна на должность учителя китайского языка и классного руководителя. Своего жилья у него не было, поэтому он получил комнату в общежитии для молодых учителей неподалеку.

Сегодня был его первый рабочий день: церемония вступления в должность, инструктаж и знакомство с наставником. Система вела его по навигатору. Дорога до школы заняла десять минут, так что оставалось время заглянуть в столовую.

Там по телевизору шли утренние новости. Цинчэнь жевал шаомаи, не отрывая взгляда от экрана. События мирового масштаба заставляли его то и дело выдавать восторженные возгласы.

— Ешь быстрее, опоздаешь, — ворчала Система.

Она чувствовала себя матерью, которая боится, что ее чадо пропустит урок, и закипает от гнева при виде его медлительности. Позавтракав, Чжу Цинчэнь направился в актовый зал. Он сел рядом с другими новичками, стараясь со всеми познакомиться. Вскоре началось собрание,

и руководство вышло на сцену с речью. Он потратил несколько минут, привыкая к письму ручкой, а затем открыл блокнот и принялся усердно записывать.

— Ты что, понимаешь их письмо? — удивилась Система. — И сам умеешь так писать?

— Конечно, — отозвался он. — Ли Юэ делал для меня бамбуковые ручки, принцип тот же. Местные знаки выглядят проще, многие из них похожи на скоропись из моего мира. У них одни корни, так что это несложно.

Собрание длилось всё утро. В конце Чжу Цинчэнь вместе с остальными поднялся и, подняв правую руку, принес присягу учителя. После церемонии его передали на поруки «старому наставнику» лет шестидесяти по фамилии Гао. Фамилия была точь-в-точь как у того почтенного чиновника из его прошлого мира, с которым они ходили в Храм Великого пробуждения. Чжу Цинчэнь сразу проникся к нему симпатией.

— Я вообще-то собирался на пенсию в этом году, — ворчал наставник Гао, — но школа упростила остаться еще на год. Это мой последний выпускной класс. Если есть вопросы — задавай сейчас, времени мало.

— Слушаюсь, — кивнул Цинчэнь, прижимая к груди блокнот.

— В основном работать будешь ты, я лишь направляю.

— Понял.

— После обеда ученики возвращаются с каникул. Вот ведомость с их оценками за прошлое полугодие. Ознакомься с ситуацией в классе и постарайся запомнить имена.

— Конечно-конечно.

Чжу Цинчэнь взял список. На первой строчке значилось имя Чэнь Хэсуна. Оценки были превосходными. Он закрыл ведомость и с улыбкой спросил:

— Наставник Гао, вы собираетесь обедать? Позвольте составить вам компанию.

Ученики выпускных классов вернулись в школу раньше остальных. Днем Чжу Цинчэнь выставил стол прямо в дверях класса, проверяя у каждого летнее домашнее задание. Он сверял лица с именами в списке, стараясь никого не пропустить. Наставник Гао сидел за учительским столом, неторопливо попивая чай из термоса.

Через полчаса он окинул взглядом класс:

— Сяо Чжу, все на месте?

— Еще нет, — наставник Чжу сверился со списком. — Не хватает Чэнь Хэсуна.

При упоминании этого имени лицо наставника Гао омрачилось:

— Давай еще подождем. У него непростая ситуация в семье, может, задержался в дороге.

— Хорошо.

Прошло еще десять минут, но Хэсун так и не появился. Наставник Гао позвонил его матери.

— Быть не может, — ответила та. — Сегодня Сяо Юй специально поехал проводить Хэсуна. Наверное, пробки. Подождите еще немного.

После этого она повесила трубку.

Чжу Цинчэнь нахмурился. Хэ Юй учился в десятом классе, и у него занятия начинались позже. То, что он решил «проводить» брата, не сулило ничего хорошего.

— Я выйду посмотрю, — сказал он. — Вдруг что-то случилось по пути.

— Ступай.

Чжу Цинчэнь выбежал за школьные ворота. Неподалеку стоял черный автомобиль. Семнадцатилетний юноша в школьной форме, обливаясь потом, подбежал к машине и постучал в заднее стекло. В руках он держал стакан с ледяным кофе.

— Сяо Юй, вот твой кофе, со льдом. Мне правда пора, я уже опаздываю.

Стекло медленно опустилось, открыв лицо Хэ Юя. Он смотрел на брата с холодным, змеиным любопытством.

— Брат, сколько времени у тебя обычно занимает дорога в школу на автобусе?

Чэнь Хэсун, не понимая, к чему клонит мучитель, ответил:

— Около часа.

— На машине с водителем мы доехали за полчаса. У тебя в запасе еще целых тридцать минут. Куда ты так спешишь?

— Но... — попытался возразить Хэсун. — Я уже не успеваю.

Хэ Юй взял кофе. В этот момент у него зазвонил телефон.

— Слушаю, тетя? — ответил он мягким голосом.

Это звонила мать Хэсуна: «Сяо Юй, извини за беспокойство. Учитель спрашивает, почему Хэсуна до сих пор нет. Может, он выйдет и дойдет пешком, если там пробки?»

Хэ Юй отхлебнул кофе, не сводя взгляда с брата:

— Что вы, тетя, брат уже в школе. Я видел, как он зашел в ворота. Вы мне не верите? Я лично проследил за ним.

— Ох, извини, Сяо Юй. Наверное, он опять где-то застрял, вечно с ним одни хлопоты.

Мать принялась рассыпаться в извинениях. Чэнь Хэсун, воспользовавшись моментом, тихо проговорил:

— Сяо Юй, тогда я, пожалуй, пойду...

Но он не успел договорить — Хэ Юй резко оборвал звонок и сжал стакан:

— Стоять. Кто тебе разрешил уходить? Кофе уже не такой холодный. Иди купи новый и бегом обратно.

Чэнь Хэсун набрался смелости:

— Я правда опоздаю. Давай я куплю тебе его после уроков?

— Нет, — лицо Хэ Юя исказилось в злобной гримасе, совершенно не свойственной подростку.

— Ты не понял? Проваливай и купи новый!

С этими словами он высунул руку с кофе в окно. В тот миг, когда напиток полетел в сторону Чэнь Хэсуна, тот лишь замер, не в силах пошевелиться. Десять лет издевательств выработали в

нем инстинктивное подчинение: если Хэ Юй хочет причинить ему боль, лучше не сопротивляться, иначе будет только хуже.

Но в следующее мгновение кто-то резко дернул его за рюкзак. Кофе с плеском выплеснулся на асфальт перед ногами юноши.

Чэнь Хэсун обернулся. Рядом с ним стоял молодой учитель, крепко держа его за лямку сумки. Чжу Цинчэнь посмотрел на ученика довольно строго:

— Ты ведь Чэнь Хэсун? Я твой новый классный руководитель. Ты уже опоздал, почему до сих пор не в классе?

Хэсун замялся, а наставник Чжу, наклонив голову, заглянул в салон машины:

— А это кто?..

Хэ Юй всегда скрывал их родство, об этом знали лишь несколько учителей. Поэтому он поспешно ответил:

— Просто попугайчик. Решил подбросить.

Цинчэнь усмехнулся:

— Вот как? Благодарю за заботу. Ты тоже учишься в нашей школе?

Хэ Юй, не желая продолжать разговор, велел водителю трогаться. Но Чжу Цинчэнь постучал по стеклу:

— Послушай, ученик. Ты намусорил.

Подросток замер. Водитель, почуяв неладное, тут же вышел, одолжил у охранника метлу и быстро привел тротуар в порядок. Когда машина уехала, Чэнь Хэсун облегченно выдохнул:

— Спасибо, учитель.

— Иди в класс.

Хэсун, словно нахохлившийся перепел, покорно поплелся за наставником Чжу. Тот специально притворялся строгим перед Хэ Юем. Законы этого мира были иными, и он не мог просто забрать мальчика к себе. Хэ Юй не выносил, когда его брату сочувствовали. Если бы Цинчэнь проявил нежность, дома Чэнь Хэсуна ждала бы жестокая расправа.

Смягчив тон, Чжу Цинчэнь сказал:

— Теперь я твой классный руководитель. Но не волнуйся, наставник Гао тоже остается с вами. Я видел твои оценки, ты отлично учишься, и учитель на тебя очень рассчитывает. В этом году я сделаю всё, чтобы у тебя были лучшие условия для подготовки. И помни: если возникнут трудности — любые — ты можешь обратиться ко мне или к любому другому учителю. Мы поможем.

Чэнь Хэсун низко опустил голову и тихо прошептал:

— Хорошо.

Цинчэнь и не ждал, что в первый же день мальчик откроет ему душу. Главное было заложить в нем мысль: помощь рядом.

В классе он проверил летнее задание Хэсуна. Листы были разорваны, но бережно склеены скотчем. Чжу Цинчэню не нужно было спрашивать — он и так знал, чьих это рук дело. Какая вопиющая невоспитанность. Он не стал задавать лишних вопросов, просто вернул тетрадь владельцу.

В элитных школах программу заканчивают еще в десятом классе, так что новые учебники не выдавали. Весь день ушел на генеральную уборку. Наставник Чжу распределил задачи и сам, закатав рукава, принялся за работу вместе с ребятами.

Другие ученики весело перешучивались, и только Чэнь Хэсун молча трудился в стороне, напоминая отчужденную тень.

— Неужели его бойкотируют? — обеспокоилась Система.

— Прихлебатели Хэ Юя могут его задирать, — ответил Цинчэнь, — но обычные одноклассники вряд ли.

— Почему?

Прежде чем он успел пояснить, один из ребят случайно задел Хэсуна:

— Ой, извини, извини, наш гений! Ты чего такой бледный? Перегрелся? Давай мы тут сами дотрем, иди отдохни.

Хэсун смущенно улыбнулся:

— Не нужно, я помогу.

— Ну давай!

Цинчэнь весело шепнул своей помощнице:

— Потому что он лучший ученик, и всем нужно списывать у него задания.

— Логично, — хмыкнула та. — В твоём мире было так же?

— Конечно. Только у меня всё было наоборот: списывал Ли Юэ, а я давал ему тетрадку. За это он каждый день приносил мне вкусности. Помню, когда я повредил ногу, этот хитрец, лишь бы не остаться без моих конспектов, три месяца на руках носил меня в академию. А я-то надеялся дома три месяца отлежаться! Сплошная морока.

Наступил вечер.

Чэнь Хэсун медленно вышел за школьные ворота и направился к автобусной остановке. Ему хотелось бы остаться в школе на вечерние занятия с теми, кто живет в общежитии, но это было невозможно. В десятом классе он пытался подать заявление на проживание, но Хэ Юй разорвал его прежде, чем он успел дописать.

Вернувшись домой, он обнаружил, что отчим еще не вернулся с делового ужина. Мать и Хэ Юй уже сидели за столом. Мать с улыбкой подкладывала лакомые кусочки в тарелку пасынка. Завидев Хэсуна, она тут же нахмурилась.

— Где ты пропадал? Сяо Юй видел, как ты зашел в школу, но учитель звонил мне и спрашивал о тебе.

Хэ Юй посмотрел на брата со своим привычным невинно-коварным выражением лица.

Чэнь Хэсуну осталось лишь покорно повторить ложь:

— Да... я немного застрял на улице.

— Живее мой руки и садись за стол.

— Слушаюсь.

Он сел на краешек стула и принялся осторожно есть, не смея тянуться к дальним блюдам. Но Хэ Юй не собирался оставлять его в покое.

— Брат, у вас сегодня были уроки?

— Нет, — Хэсун отложил палочки, отвечая мучителю. — Сегодня только уборка.

— А завтра?

— Завтра и послезавтра вступительные тесты.

— Вот как, — Хэ Юй приторно улыбнулся. — Брат такой умный, наверняка опять будешь первым?

— Не знаю.

Страх перед младшим братом пропитал само его естество. А Хэ Юй, казалось, упивался этим страхом, словно кот, играющий с мышью.

— Скорее бы и у меня начались занятия, — мечтательно произнес он. — Будем вместе ходить в школу. Хаоцзы и Яньцзин очень соскучились по тебе, брат.

Мать довольно улыбнулась:

— Это твои друзья, Сяо Юй? Как чудесно, что ты берешь Хэсуна в свою компанию.

Она не заметила, как под столом пальцы Хэсуна до боли впились в колени. Это были не его друзья. Напротив, это были те, кто превращал его жизнь в кошмар по указке Хэ Юя.

В семь вечера Чжу Цинчэнь, поужинав в столовой, вернулся в класс. Те, кто жил в общежитии, и ребята из соседних домов прилежно занимались. Наставник Чжу сидел за столом и внимательно изучал «Устав школы», который попросил у наставника Гао. Он вооружился красной ручкой и принялся подчеркивать ключевые пункты.

[1. Основные правила поведения]

[2. Уважать учителей, заботиться о товарищах. Драки и нецензурная брань запрещены.]

[...]

[13. В случае выявления фактов школьной травли виновному объявляется строгий выговор. При тяжких последствиях дело передается в полицию.]

[III. Правила проживания в общежитии]

[1. Количество мест ограничено. Ученики в трудной жизненной ситуации имеют приоритет.]

[2. В начале каждого семестра проводится повторный опрос учащихся о необходимости проживания в связи с изменением семейных обстоятельств.]

[3. Места в общежитии распределяются случайным образом; запрещено создавать группировки или ограничивать свободу других.]

Чжу Цинчэнь подпер голову рукой, постукивая ручкой по бумаге. Школьная травля, проблемы с жильем... Он методично, один за другим, развяжет эти узлы.

<http://bllate.org/book/15820/1428922>